

РЕЧЬ ПИСЕМ А. С. ПУШКИНА (ЭПИСТОЛЯРНЫЙ СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ)

Květuše Lepilová (Ostrava)

Qui scribit, bis legit. Латинская поговорка

Письмо в творчестве Пушкина-создателя не раз появляется как тема или мотив стихотворения, романа, повести («Сожженное письмо», 1825, «Евгений Онегин», 1830, «Пиковая дама», 1834 и др.). Письма Пушкина-человека вводят ряд вопросов в отношении с письменной коммуникацией в конце века.¹ Не исчезает ли эпистолярная форма, когда для межличностной коммуникации типична акселерация времени: разве мобили, автоответчики, факсы и электронная почта не экономят также язык? В конце тысячелетия зритель и слушатель массмедий и мультимедий ведет свой «внутренний диалог» с окружающим миром. Межличностный разговор и личную переписку заменила новая грамота – общение в виде коммуникации с незнакомыми и знакомыми лицами через интернет. Однако с другой стороны, звучит речь писем А. С. Пушкина (1815–1837) в наше время актуально, или только голос в полифонии прошлого времени?

Если литературоведение пользуется письмами как средством исследования, речь писем хочет толковать их как цель. Личное письмо – суверенный акт речевой коммуникации. Может ли эпистолярный жанр в стиле речевой коммуникации прошлого века (только в случае собрания писем адресанта, но не переписки адресанта с адресатом) быть интересным для нашей рецепции? Вообще – может ли стиль речевой коммуникации бывшего века стать живой памятью в речи нашего времени? Какие должны быть качества письма, чтобы оно, подобно музыке или масляной картине прошлого века, было способно с личностными моментами и с информацией передавать также дух времени?

Какой метод анализа надо искать? Метод «детектива», хронологии, частоты, адресата, темы, стиля? Корреспонденция Пушкина обыкновенно исследуется как средство поиска литературоведения: например, письмо Татьяны к Онегину, беспрецедентный для пушкинской эпохи поступок (женщина в стихотворном романе как первая

¹ Анализу подвергаются некоторые из 786 писем Пушкина к 192 адресатам: по 10-ому тому собр. соч. А. С. Пушкин – Письма (1815 – 1837). Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. четвертое. Том десятый. „Наука“, Ленинград 1979.

объясняется в любви) уже П. В. Анненкова («Материалы для биографии А. С. Пушкина») провоцировало разгадать, кто же является прототипом Татьяны: имеет ли Пушкин в виду Марию Болконскую, дочь генерала Раевского, или Елизавету Воронцову? Третья версия относительно прототипа Татьяны Лариной идет от Анны Николаевны Вульф (1799 – 1862), старшей дочери П. А. Осиповой (к которой Пушкин пишет по-французски 24 писем). К Вульф Пушкин написал всего два письма, а именно по-французски: в марте–мае 1825 из Михайловского в Тригорское (номер издания 134) и 21/07/1825 из Михайловского в Ригу (142): *(...)они столь же ветрены и болтливы, как вы сами! Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это было и модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо (... подч. К. Л., как и в остальных письмах Пушкина).* Конечно – это Ольга.

Пушкин, приезжая в новое место пребывания, первое письмо-дневник посылает брату Льву: из Царского Села 1815 в Петербург (и друзьям Гнедичу, Гречу, Вяземскому, Бестужеву, Раевскому, Плетневу). С 1815 по 1822 гг. Пушкиным написано всего 23 писем. 1822 г. из Кишинева первое письмо от 24/09/1820 адресовано брату, первое письмо из Одессы опять ему. Это письмо от 25/08/1823 носит уже черты иронии: *(..) Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман – три последние месяца моей жизни(...). Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре. Ремеслу столярному я не обучался, в учителя не могу идти, хоть я знаю закон божий и 4 первые правила – по слуху и не по своей воле – и в отставку идти невозможно (...)* Прощай, душа моя, у меня хандра – и это письмо не развеселило меня.*(...)* Так и быть – я Вяземскому пришло «Фонтан» – выпустив любовный бред – а жаль!

1. Аспект адресата письма и частота писем

Хронологическая канва писем может характеризовать динамику жизненных контактов, и такой подход отражает характеризовать, что стиль речи писем к конкретному адресату показывает только жизнь Пушкина. Этот подход к анализу писем открывает также развитие отношения адресант – адресат, как, например, уже в письмах Пушкина к А. П. Керн (1800 – 1879). Общезвестное стихотворение «Я помню чудное мгновенье» было ей вручено Пушкиным 19/07/1825 в Михайловском. Через неделю 25/07/1825 поэт пишет Керн из Михайловского: *«Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши (см. «в глуши, в деревне все вам скучно» – из письма Татьяны к Онегину – К. Л.) – это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне (см. «хоть каплю жалости храня, вы не оставите меня» из письма Татьяны – К. Л.), вы*

тоже должны были бы пожелать мне этого (...) пишите мне обо всем, что придет вам в голову (...), если не хотите компроментировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем (...). Конечно, выдвигается вопрос о первичности и вторичности двух писем (Пушкина к Керн и Татьяны к Онегину), сомнения нет, что личные письма Пушкина только в начале его творческого пути иногда демонстрируют стилистику его исканий. Однако уже в письмах к Керн зарождается диалогичность речи писем Пушкина, сценичность, драматизм, и продолжается пушкинская ирония, с которой он даже умничает. (156): ...Итак, до свидания – и поговорим о другом. Как поживает подагра вашего супруга? ...Достойнейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т.д. Один только у него недостаток – то, что он ваш муж... (13 и 14 августа из Михайловского в Ригу). (160): (...) Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но в конце концов он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, бога ради, отказов и отказов) – и он будет у ваших ног, – место, которому я от всех души завидую, но что поделаешь? (25/08/1825 из М. в Ригу). (161): (...) Если ваш супруг очень вам надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там все семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете...куда? в Тригорское? вовсе нет: в Михайловское! Вот великолепный проект, который уже четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: А огласка? А скандал? Черт возьми! Когда бросают мужа, то уже полный скандал (...). 28 августа 1825 из Михайловского в Ригу. Письмо 168: 22/09/1825: из Тригорского в Ригу: (...)Захотите ли вы, ангел любви, заставить уверовать мою неверующую и увядающую душу? Но приезжайте по крайней мере в Псков, это вам легко устроить. При одной мысли об этом сердце у меня бьется, в глазах темнеет и истома овладевает мною...Перейдем к делу, прежде всего, нужен предлог (К. Л.): болезнь Анеты – что вы об этом скажете? Или не съездить ли вам в Петербург? (...). Письмо 180: 8/12/1825 из Тригорского в Ригу: ...Не стоит верить надежде, она – лишь хорошенькая женщина, которая обращается с нами как со старым мужем. Что поделявает вас муж, мой нежный гений? (...) Письмо 762, последнее (1835–36?) (...) раз вы не могли ничего добиться, вы, хорошенькая женщина, так что уж делать мне – ведь я даже и некрасивый малый... И в том же году Пушкин жене Наталье (670): 29/09/1835 сообщает: (...)Ты мне переслала записку от М.ме Керн: дура вздумала переводить Занда, и просит, чтобы я сосводничал ее со Смирдиным. Черт побери их обоих!²

² Из Михайловского с 1824 г. Пушкиным было написано всего 123 писем: 20/09/1824

Итак, отношение Пушкина к А. П. Керн как к адресату его писем показывает, что анализ речи писем мог бы исследовать письма Пушкина как развитие контактов и отношений к адресатам (стиль письма: официальное или личное – дружеское, семейно-интимное и т. п.). Конечно, не стоит следить за письмами только по месту и времени пребывания Пушкина, по частоте писем и др. Автобиографическая хронология жизненного и творческого пути имеет характер вспомогательный в анализе эпистолярной формы, которая образует, в конце концов мнимый мемуарный стиль и жанр. Письма Пушкина – это также знак субъективности голоса личности в объективной атмосфере времени и пространства. Внимание притом не уделено обратной связи в переписке (адресант Пушкин – адресат его письма – адресат как адресант письма к Пушкину). Ключевым понятием тут является стиль речи и критерий субъективности, объективности или дихотомии обоих³.

2. Монолог и диалог как стиль письма

Письма по своему стилю коммуникации бывают или монологом (официальные и полуофициальные письма) или диалогом (личные письма). Структура официальных писем (монологов) идет по плану речевого этикета, именно в обращении. Структура личных писем (диалогов) идет по парадоксальному плану «борьбы сердца и разума», который образует: а) эмоциональное обращение к адресату, задушевность, б) резкий перерыв (напр., *«теперь перейдем к другому»*), в) прагматичность разума. В обращении адресант Пушкин в адресате

первый раз – А. Н. Вульф (номер 86), последний раз – Н. М. Языкову 9/11/1826 (209). Следующие письма из Пскова и с 21/12/1826 уже из Москвы (217: Н. М. Языкову). По указателю писем Пушкина получателей было 192. Больше количество написано Пушкиным адресатам, которыми стали: Пушкина, Наталья Николаевна (Гончарова, 1812 – 1863) – 76 писем в течение 6 лет, Вяземский, П. А., князь (1792 – 1878), поэт и критик, друг – 73 писем, Бексидорф, А. Х., граф (1783 – 1844, в течение 1826 – 1836 гг.) – 55, Осипова, П. А., помещица с Тригорского – 24, Погодин, М. П., историк, журналист – 33, Хитрово, Е. М. (1783 – 1839, приятельница Пушкина) – 25, Одоевский, В. Ф. – 18, Дельвинг, А. А. – 13, Яковлев М. Л., лицейский друг – 12, Жуковский В. А. – 12, Керн, А. П. – 10, мать Н. П. Гончаровой – 7, Гоголь Н. В. – 4, Чаадаев, П. Я. – 3, Николай 2-ой – 1 (всего 192 писем без черновиков и деловых писем, приписываемых Пушкину).

- 3 Термин Й. Мистрика. Письмо Й. Мистриком излагается как „proniľuva“ (Skalička, 1937), komunikát (K. Hausenblas, 1968), „jazykový projev“ (Mistrík, J., Stylistika, Bratislava 1985, 370). Коммуникатами он излагает тексты с основным членением трихотомии: введение, ядро, окончание. Slovník literární teorie (red. Š. Vlašín, Praha 1979) различает письмо „soukromé“ (частное, дружеское, семейное, любовное и т. п.), торговое, деловое с узуальными фразеологическими оборотами. В письмах открывается время, среда, реалии, их свойство документальное. Письма Пушкина изданы как бы односторонний монолог, поскольку ответа их читатель только предполагает.

ищет близкого сердцу и душе друга, ядро письма сообщает информацию (среда, время, пространство, реалии – болезни, эпидемии, условия духовного и физического ареста и, с другой стороны, свободы среды природы и т. п. (Пушкину, напр., не разрешается ехать за границу, хотя он просит уехать из-за болезни аневризма во Францию, Италию или Китай).

2.1 Монолог-исповедь (официальные и полуофициальные письма, убедительный тон). Полуофициальными следует считать письма на французском языке к Н. И. Гончаровой, матери будущей жены. Эмоциональные слова помогают тут убеждать при помощи образа сердца поэта, головы, напр., письмо (279) от 1 мая 1829 в Москве Н. Гончаровой: (...) *К чувству счастья примешивается еще печаль и горечь...но извините нетерпение сердца больного, которому недоступно счастье. Я сейчас уезжаю и в глубине сердца своего увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью...Удостоите, милостивая государыня, принять дань моего глубокого уважения. Пушкин. (307); Н. И. Гончаровой 5/04/1830 в Москве (по-франц.) *Когда я увидел ее (дочь Наталью – К. Л.) первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума (...)* Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния (подч. К. Л.) и т. д.*

2.2 Монолог-просьба (официальное письмо)

Речевой этикет содержит типичное для того времени обращение в начале и в конце письма: (559): А. Х. Бекендорфу 25/03/1834 в Петербурге: *Милостивый государь, граф Александр Христофорович, Всепокорнейше честь имею известить Ваше сиятельство, что сего 24 марта получено мною уведомление об отзыве министра финансов касательно всемилоостивейше мне пожалованных заимобразно денег на издание «Истории Пугачевского бунта». С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейший слуга Александр Пушкин. (...)* Если мотивом письма является личная просьба, то официальная форма берет на себя черты личного письма: (309): А. Х. Бекендорфу 16/04/1830 из Москвы в Петербург (после строгого обращения следует ряд убедительных, смелых, эмоциональных возражений и защита): *Генерал, С крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству(...)* Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства.(...) Я исключен из службы в 1824 году, и это клеймо на мне

осталось. Окончив Лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники обходили меня при представлениях... Ныне, несмотря на все мое доброе желание, мне было бы тягостно вернуться на службу. Мне не может подойти подчиненная должность, какую только я могу занять по своему чину. Такая служба отвлекла бы меня от моих литературных занятий, которые дают мне средства к жизни(...) Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность...

2.3 Монолог-просьба (семейное письмо с эмоциональным стилем обращения)

(308): Н. О. и С. Л. Пушкиным 11/04/1830 из Москвы в Петербург: *Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год, – м-ль Натали Гончаровой... Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительная, чем моя печальная молодость (...)*

3. «Внутренний монолог» (диалог)

Такие письма адресованы друзьям (об этике, искусстве, творчестве, традиции, культуре, философии и литературе, языке, переводах и т.п.):

3.1 Язык, переводы, художественная литература:

(375). Е. М. Хитрово 9/12/1830: *Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас – французские газеты и трагедию Дюма, – все это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто из того не основано на действительных интересах России и опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т.д. (...). Будем надеяться, всегда надежно питать надежду. (411): Е. М. Хитрово 9/06/1831 в Петербурге: (...) «Красное и черное» хороший роман, несмотря на фальшивую риторику в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса(...) (424): 6/06/1831 из Царского Села в Москву (на франц.) П. Я. Чаадаеву: *Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся(...).* (556): В. Ф. Одоев-*

скому 16.03.1834: *Дело идет о Конверсационис Лексиконе: я это проношал. Соглашаюсь с Вашим сиятельством, что нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Греча, ибо на том получил разрешение у Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем: что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся. А в воровскую шайку не вступим.*

(745 – по франц.) Н. Б. Голицыну 10.11.1836 в Петербург: *Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недугов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа моих друзей, но ни один не стоит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время, – я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов. Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего Онегина, и вы, конечно, узнали некоторых лиц (765); П. А. Вяземскому (вторая половина 1835 – 36 гг. в Петербурге): *Араб (женского рода не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. Караван был разграблен степными арабами. Арап, женс. арапка, так обыкновенно называют негров и мулатов. Дворцовые арапы, негры, служащие во дворе. Он выезжает с тремя нарядными арапами. Арапник, от польского Herapnik (de harab, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie Reiff). N3: harap vient de Herab. А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов (...).**

3.2 Изобразительное искусство, музыка:

(712): 11/05/1836 жене из Москвы в Петербург.: *Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев. Они ужасный моветом, как говорит Гоголь, т. е. хуже неужели мошенники (...)* Был у Перовского, который показывал мне недоконченные картины Брюллова. Брюллов, бывший у него в плену, от него убежал и с ним поссорился. Перовский показывал мне «Взятие Рима Гензериком» (которое стоит «Последнего дня Помпеи»), приговаривая: *заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник. Умора. Ху, прощай. Целую тебя и ребят, будьте здоровы. Христос с вами.*

Хотя в доме-квартире на Мойке в Петербурге показывают салон Пушкиных как типичный салон с клавихордом, кажется, что к музыке Пушкин, как это ни странно (в нами подробно прочитанных письмах этот вопрос не выдвинулся – К. Л.), большого интереса не показывает, за исключением, напр. (579): 18/05/1834 к жене: (...). *Вчера я был в ко-*

щерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле великолепной. Как жаль, что ты ее не видала. Пели новую музыку Вьельгорского на слова Жуковского. Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты едшишь(...).

5. Диалог-общение (письма одинокой личности)

Такой тип писем посвящается Пушкиным к самым милым ему друзьям, родственникам и прежде всего к жене.

5.1 Жене Наталье (по-французски до свадьбы, после свадьбы на русском языке): Жене Пушкина посвящено самое большое количество писем в кратчайший срок. Стиль писем к будущей и настоящей жене взволнованный, воодушевленный, полный иронии, метафор и фразеологизмов. Жене Наталье посвящено самое большое количество писем (2), которые характерны своей тенденцией общаться с одиноким адресантом.. Эти семейные письма–диалоги, начинающиеся иногда необыкновенным порядком слов, эмоциональностью и метафоричностью в обращении, продолжающие нить ведения разговоров о самых обычных делах и заканчивающихся сердечным приветом, особенно, если отец вспоминает детей, например: (355). 9/09/1830 из Болдина в Москву: *Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног(...)* Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но показывается, – это часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел (...) *Еще более опасаясь я карантиннов(...)* у нас в окрестностях – холера морбус (очень миленькая особа). *И она может задержать меня и дней на двадцать!* (359). 30/09/1830 из Болдина в Москву: (...) *Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине (...)* Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. *Погода ужасная. Я провожу время, что мараю бумаги и злюсь(...)* Я спеюсь и «желтею», как говорят рыночные торговки (т. е. кисло усмехаюсь). (368). 18/11/1830 Из Болдина в Москву: *В Болдине, все еще в Болдине(...)* пусть все идет своим чередом, я буду сидеть сложа руки. *Отец продолжает писать мне, что свадьба моя расстроилась. На днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж(...)* *Есть от чего потерять голову (...)* (671). 2/10/1835 из Михайловского в Петербург: *Милая моя женка (...)* *Получил я, ангел кроткости и красоты, письмо твое(...)* и т. п.

5.2 Диалог-рассказ (дети, опасность):

Нить диалога с милым адресатом становится нежнее и шутивее, если отец вспоминает детей. (523). 20/08/1833 Н. Н. Пушкиной из Торжка в Петербург: *Милая женка, вот тебе подробная моя*

Одиссея(...)Нева была так высока, что мост стоял дыбом.. Не было ли у вас нового наводнения?(...) Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! Не с кем. Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку. (567). Н. Н. Пушкиной 19/04/1834: Душка моя, (...) смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй понемножку, а пуще скоро добирайся до деревни. Целую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай, куда рада, что может вволю воевать! Теперь, вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского... Покамест – прощай, ангел мой. Целую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром – слава богу, весна кончилась. (Без подписи – К. Л.). Через три дня Пушкин продолжает как-бы прекращенный разговор: (568.) 22 и 22 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву: Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет... поговорим о деле; (...) – в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верхом ездите не на бешенных лошадях... Сверх того прошу не баловать ни Машки, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не советуясь и не церемонясь. Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с вами. (579). 18/05/1834: Мой ангел! поздравляю тебя с Машиным рождением, целую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник (...) надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений проникнута скверным и бесчестным образом... никто не должен знать, что может происходить между нами (...) Без тайны нет семейственной жизни (...)(581). около 29/05/1834 из Петербурга: Благодарю тебя, мой ангел, за добрую весть о зубке Машинном. Теперь надеюсь, что и остальные прорежутся безопасно... Хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет, кажется, выйти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять... Ты разве думаешь, что свицкий Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?... Вчера видел я Сперанского, Карамзиных,

Жуковского, Вельгородского, Вяземского – все тебе кланяются. (589). Около 28. 06. 1834 из Петербурга Н. И. Пушкиной: *Крепко думаю об оставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имя отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности, и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, а еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай мне сделаться богатым – а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову..* (590). 30/06/1834 из Петербурга: *Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обещаешь не кокетничать: хоть это я тебе и позволил, но все-таки лучше моим позволениям тебе не пользоваться. Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то еще не беда; мальчик привыкает к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича. Маше скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет. Благословлю вас всех – тебя целую в особенности(...).*

5. 3 Диалог-многоголосие

Этот стиль письма сплетает монолог с диалогом там, где адресат – близкий Пушкину человек. Ряд писем друзьям и знакомым – это многоголосие о разных темах: 557). П. В. Нащокину, середина марта 1834, Петербург: *Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму (...) Но сперва поговорим о деле, т. е. о деньгах(...). Говорят, что несчастье хорошая икола: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно(...)* я камер-юнкер с января месяца: *«Медный всадник» не пропущен (...) зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя(...).* (770). В. Ф. Одоевскому (ноябрь – декабрь 1836 в Петербурге): *Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород еще была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург – и мое мнение – было бы: с нее и начать(...)*(716.) П. В. Нащокину 27. 05. 1836: *Любезный мой Павел Войнович, Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на дороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда... Теперь поговорим о деле... Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду. Вы обещаете перевод в стихах моего (Бахчисарайского фонтана). Уверен, что он вам удастся, как все, что выходит из-под вашего пера(...)* По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким (...).

5.4 Диалог-монолог (зрелище-дневник):

Описание и комментарий увиденного (статуи Брюллова и др.) часто встречается в стиле писем Пушкина. Но есть моменты, когда поэту кажется очень важным не только смотреть, но и описывая, комментировать. (570). 28/04/1834 28/04/1834 из Петербурга в Москву Н. Н. Пушкиной: *...завтра будет бал, на который также не явлюсь. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города. Будет 1800 гостей. Расчислено, что полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов(...).* (571). 30/04/1834 из Петербурга в Москву Н. Н. Пушкиной: *Вчера был наконец дворянский бал. С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюминацию приготавливали. Не дождавшись сумерков, пошел в Английский клуб, где со мною случилось небывалое происшествие. У меня в клоге украли 350 рублей, укали не в тинтере, не в висте, а украли, как крадут на площадях(...) Ты думаешь, что я сердился, ничуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости(...) Ты говоришь (вместо Ты пишешь – К. Л.): я к ней (Голицыной – К. Л.) не ездила, она сама ко мне подошла. Этого и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей-богу, досада берет – и письма не хочу продолжать.* (589) жене 28. 06. 1834 в Москву: (...) *Петербург ужасно скучен. Говорят, что свет живет на Петергофской стороне(...). Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудулся дворника. А я ему уже несколько раз говорил прежде моего приезда не запирать....Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги...и проиграл их. Но что делать? я так был эселчен, что надобно было развлечься чем-нибудь.* (584). 8/06/1834 жене из Петербурга: (...) *У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать все, что придет на сердце(...)* Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обстоятельствами. Зависимость семейственная делает человека более правственным(...). (668). Жене 21/09/1835 из Михайловского в Петербург: *Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000(...). Я взял у них (у Вревских – К. Л.) Вальтера Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского. Кстати: пришли мне, если можно де М. Монтань – 4 синних книги, на длинных моих полках...Осень начинается...Я много хожу, много езжу верхом, на клячах,*

которые очень тому рады, ибо им за то дается овес. Ем я переный картофель, как маймист, и яйца всмятку, как Людвик 18. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7. Пожалуйста, не требуй от меня - нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее – охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выйду, тогда переписка нужна не будет. 668. 21/09/1835 Из Михайловского: Жена моя... Ты не можешь представить себе, как живо работает воображение... А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполювину промотал; (...) (669). 25/09/1835 Из Тригорского в Петербург: ...все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встрелилась одна знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся, да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней: хорош никогда не был, а молод был (...) Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы Вальтер Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. (576). 12/05/1834 Н. Н. Пушкиной из Москвы в Яврополец: Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого не следует, что я равнодушен и не ревнив (...). Одна и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать и жрать мороженое. (...)

6. Диалог-философия:

(714): 14 и 16/05/1836. Жене из Москвы в Петербург: Что это, женка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. (...) Зываю Брюллова к себе в Петербург – но он болен и хандрит. Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: у меня дама есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим. (715): 18/05/1836 Из Москвы в Петербург: Брюллов сейчас у меня. Едет в Петербург, скрепя сердце боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком я получал уж полицейские выговоры... черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Целую тебя. (740). П. Я. Чаадаеву 19/10/1836 из Петербурга в Москву: Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что

касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особенное предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех(...). А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина 2, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что она поставит нас вне Европы? Хотя я лично и сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что я вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я скорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал(...)

7. **Монолог-обвинение** (Парадоксальность одиночества перед дуэлью и спокойного речевого этикета). Последние письма Пушкина поражают. Барону Геккерену Пушкин написал уже осенью!:(748.) 17–21/11/1836 в Петербурге (по-франц.): *Барон, (...) я заставил вашего сына играть роль столь гротескную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха (...). Это вы диктовали ему пошлости(...). Вами было составлено анонимное письмо. Я получил три экземпляра из десятка, который был разослан (...) Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.* Следующие два письма поражают своей парадоксальностью выражения напряженной обстановки, в которой Пушкина очутился: (785). Де Аршиаку между 9,30 – 10,00 утра 27/01/1837 в Петербурге (франц.) *Виконт, я не имею ни малейшего желания посвящать петербургских зевак в мои семейные дела; поэтому я не согласен ни на какие переговоры между секундантами. Я привезу моего лишь на место встречи(...).* В тот же день написанном, последнем письме Пушкина (перед дуэлью) состоянию напряженности не отвечает спокойный стиль: (786). А. О. Ишимовой 27/01/1837

в Петербурге: *Милостивая государыня Александра Осипова, Крайне жалею, что мне невозможно будет явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдёте в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете – уверяю вас, переведите как нельзя лучше. Сегодня я печально открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался (!К. Л.). Вот как надобно писать! С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою. А. Пушкин.*

Пушкин как писатель любил обращаться к читателю своего художественного текста (напр., в стихах о месте, где родился Онегин: *«где, может быть, родились и вы, мой читатель»*). На переломе тысячелетия мы стали свидетелями ускоренного темпа, акселерации как стиля жизни и времени. Однако интерес к мемуарам не исчезает.

Письма Пушкина как суверенный акт его субъективной речи в эпистолярном стиле коммуникации становятся также объектом знакомства с душевным обликом личности и с духовным миром культуры прошлого века, поскольку этим письмам свойственно общение, диалогичность и живой стиль. Эти письма – феномен парадоксальности жизни поэта, но и неугасающей энергии преодолеть будничную жизнь оптимизмом. Письма – монологи-исповеди, просьбы, комментарии, дневник. Диалоги-общения с прошлым временем и пространством, духовным и физическим арестом, с европейской культурой, с этикой и философией. Поражает с одной стороны прагматичность, прозаичность, краткость, ирония, всегда живой стиль, наполненный не раз фразеологизмами, метафорами, что противоположно дворянской привычке речевого этикета официальных писем-монологов на французском языке. Личные письма Пушкина в его одиночестве освобождают его и разрешают ему быть естественным в диалоге с близкими адресатами.

Письма великих поэтов считаются обыкновенно полифонией их творчества, дневником души, внутренним монологом, в основе писем Пушкина – диалогический стиль речевой коммуникации. Замысел писем – ключ к их стилю. На фоне чтения писем Пушкина к адресатам (без их ответа) звучит полифония мемуарного жанра. По хроникальности и фактографичности мемуары примыкают к дневнику, так как всюду на переднем плане адресант писем сам со своей точкой зрения на описываемое. Письма – спутники авторской жизни – сами по себе жанр. Они стали диалогом поэта с миром и людьми, с пространством и временем и монологом-исповедью, если он ответа не ждал. К атри-

бутам Пушкина («вечный, у нас, в школе, прозаик, художник, драматург, поэт») хочется добавить: «автор писем».

The Speech of A. S. Pushkin's Letters (Epistolary Form as a Style of Communication)

This article is dedicated to the less studied subject of literary criticism (Pushkin's letters as a dialogue and a monologue). The author of the article described 786 letters (written in the period 1815 – 1837) not as a medium of analysis but as a goal of knowledge.

Usually the intention and structure of the style of letters written by Pushkin is a monologue to an official person (e.g. to Benkendorf) or a dialogue with personal friends (of course, especially with Pushkin's wife Natalie). In the first period of Pushkin's communication style (1815 – 1825, Mikhailovskoe and meeting with A. P. Kern) there are many expressions from „Eugene Onegin“ in these letters, but gradually Pushkin's letters become free of the French language, and his vocabulary is full of the spoken language (the Russian people's language – phraseology and idioms). Many letters have the following structure: a) a monologue, b) after the phrase „Тепер' мы поговорим о другом“ („And now, we shall talk about another thing“), c) quite a practical dialogue about everyday facts (weather, money, illness, flood, high society etc.).

Pushkin's spoken language in his letters is an important evidence of the epoch. Pushkin, living for many years alone, found his letters his own human voice and a specific style of communication, manifesting paradoxical ideas. Pushkin's language and style in his letters is not the second wonderful voice of his poetry, but a feature of the dynamic side of his life and his epoch. His letters represent an interesting reading as memoirs despicing 19th- century culture.

